

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

С. С. Рапопорт

Биографическое самосознание интеллекта

Электронный ресурс

URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/Rapoport.pdf>

Перепечатка с сайта Социологического
института РАН <http://www.si.ras.ru>

URL: <http://www.civisbook.ru>

ПЕРСПЕКТИВЫ КАЧЕСТВЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ И РАЗВИТИЯ БИОГРАФИЧЕСКОГО ФОНДА

Сергей Самуилович РАПОПОРТ (Институт социальных исследований Литвы)

БИОГРАФИЧЕСКОЕ САМОСОЗНАНИЕ ИНТЕЛЛИГЕНТА

Можно предположить, что сама выделенность собственной биографии из потока исторических событий является чаще всего особенностью интеллигентского менталитета. Для других сословий биографичность нерелеватна, точнее, требуются чрезвычайные жизненные обстоятельства, чтобы личность почувствовала необходимость вычленив себя и свою судьбу из потока будничных ситуаций. Для интеллигента саморефлексия вообще и биографическая осмысленность являются как бы родовым признаком — одним из компонентов своеобразной «мифологии нужности»: интеллигенция, на наш взгляд, это единственная социальная группа, для которой релевантна проблема нужности, оправданности существования, причем эта «нужность-для-себя» оправдывается мотивом «нужности-для-других». Отсюда проистекает и релевантность образа своей биографии, в частности, как потока дел и переживаний, отданных служению.

Другой аспект — саморефлексия, построенная на собственном выборе и индивидуальной ответственности.

В контексте нашего обсуждения биография понимается не как статистически фиксируемый свод обстоятельств человеческой жизни, помещенный в рамки одноразового пребывания человека на земле, а как символическая значимость этого пребывания для рефлексирующего сознания, т. е. как образ данной человеческой истории.

Ниже под понятием «официальности» разумеется вся система институтов, учреждений культуры, наделенных полномочиями отбора новых участников культурной жизни, распределения их в различных местах социокультурной лестницы, обладающих различающимися уровнями наград — за дарования и достижения, прежде всего — в творчестве. Места эти иерархичны и по престижу, и по благам. Образ названной социокультурной иерархии представляет собой официальную модель биографии; она располагает званиями, орденами, чинами, премиями и т. п. Отношения участников с этой моделью биографии достаточно сложны, они подробнее рассматриваются ниже.

Групповой моделью биографии интеллигента является предложение организации судьбы, которое часто альтернативно официальной. Здесь ценности и знаки пользуются неофициальным престижем в среде интеллигентской общественности. Такое противопоставление имело место всегда, однако особо напряженными такие отношения с официозом возникают в те общественные периоды, когда интеллигенция не желает идентифицироваться с властью.

Индивидуальный сознательный выбор биографии может представлять собой как отождествление с ценностями официальной культуры, т. е. провозглашаемыми ее учреждениями, так и в противовес последним — выбор ценностей и значимостей групповых. Подробнее последний вариант описывался

нами в работах, касавшихся группового стиля жизни и, в частности, снобизма (см. «Интеллигентские позы, сезоны 60-70 годов», ж-л «Вильнюс», 1997, № 1-2).

Наконец, в истории культуры известны случаи чисто индивидуального моделирования биографии, противопоставленного биографическим образцам официоза и группы.

Известно, что в современном культурном обиходе часто особо высоким престижем пользуются награды международных учреждений (такова, например, Нобелевская премия). Эти ценности также представляют собой биографический ориентир для интеллигента, сочетающий в себе черты официального и группового моделирования.

Сама постановка вопроса о биографическом самосознании интеллигента, на наш взгляд, неслучайна. Представители интеллигентского сословия часто не выделяют себя ни из официальной системы, ни из приватной ежедневности, т. е. воспринимают себя рутинной составной частью этих систем. Реже возникает образ биографии как итога, «панорамный» взгляд на судьбу как на нечто уже сложившееся, иными словами, интеллигент в этом случае предпринимает — как правило, уже в зрелом возрасте — попытку «задним числом» приписать случившемуся с ним итоговую осмысленность. Это приписывание, разумеется, берется из арсенала общекультурных моделей биографий. Диапазон такого моделирования в культуре весьма широк: от модели, известной под названием «жизнь замечательных людей», до модели, представляющей своеобразную апологию скромности.

В арсенале биографических возможностей, скопившихся в европейской культуре, модель «жизнь замечательных людей» чаще всего воспринимается неофитом, вступающим на культурное поприще, как образец, в котором предполагаются некие дарования и способности выше среднего уровня. При этом констатация и признание наличия этих способностей — в науках, искусстве и т. п. — является прерогативой соответствующих социальных институтов, играющих роль инструментов отбора (их компетенция осуществляется с помощью разнообразных конкурсов, приемных комиссий и т. д.) Раннее биографическое самосознание интеллигента проявляется в том, что он сам начинает подозревать в себе присутствие качеств, пользующихся общественным престижем и спросом. Следующий шаг — иногда робкий, иногда самоуверенный — это предложение себя отбирающим инстанциям.

Поскольку, как известно, престижных мест в культуре всегда меньше, чем претензий на них, возникает первая конфронтация с официальным моделированием

биографий: новый претендент в случае признания селективной инстанцией наличия у него нужных способностей признает ее правомочность на управление всей его дальнейшей судьбой. Разумеется, в дальнейшем нередки случаи очередных, текущих конфликтов, и тогда доверие к официальному моделированию может вновь поколебаться.

Второй, не менее частый вариант отношений нового интеллигента с официозом — это непризнание отборочными учреждениями его предложений. Тогда неофит нередко понуждается обратиться к иным — групповым и индивидуальным моделям биографий.

Во всех перечисленных случаях можно считать выбор интеллигентом судьбы вполне осмысленным. Его биография — в его восприятии — оказывается неслучайной.

Можно предложить априорную типологию биографических ориентаций интеллигенции, построенную на критерии степени интегрированности человека в культурную среду. Выделяются биографии, ориентированные на «приватность», иначе говоря, на мир ценностей так называемого ближнего круга. При этом уместно обозначить отличие биографической установки осознанного антикарьерного типа от установки интеллигента, для которого характерен «синдром скромности». В этом последнем случае человек вполне сливается с рутинной культурного заведения, в котором он служит. Он не числит за собой никаких выдающихся способностей и полностью соглашается со ступенчатостью элементарной иерархической лестницы.

В свою очередь, биографический выбор «карьерного типа» подразделяется на такой, который идентифицируется с официальными моделями, и такой, который предпочитает известность вне официоза. Если в первом случае качество выбора и достижений участника удостоверяется государственными регалиями и наградами, во втором интеллигент сам или от имени микрогруппы подвергает сомнению компетентность официоза, и, соответственно, уровень отмеченных им произведений и биографий.

Отдельная проблематика в рассматриваемой теме — это динамизм или застойность биографии. Среди частых мотивов биографической рефлексии интеллигента следует отметить проблему — «надо успеть». Под этим мотивом могут скрываться различные стимулы: с одной стороны, чисто карьерная спешка, которой сопутствуют конкурентные войны с коллегами по жанру, использование различных обходных маневров со вполне циничным отношением к каноническим критериям качества поступков и произведений.

Другая разновидность динамики судьбы основывается на мотиве служения: вне зависимости от официальных наград, интеллигент следует императиву — создать важные для человечества труды, цепочка которых и составляет в конечном счете биографический сюжет этого интеллигента.

К последней мотивации относится и более общая проблема — это сложившийся в культуре биографический образец, сводящий цель жизни к результатам деятельности интеллигента с ориентацией, в частности, на посмертное признание. При этом для такой модели оказывается нерелевантными остальные характеристики человеческой жизни, т. е. промежутки любой длительности между очередными достиже-

ниями, иными словами, произведениями, созданными данным интеллигентом. Тем самым рутинные моменты повседневной жизни участника культуры оказываются в этой модели немаркированными. Если при этом мы имеем дело с «героем культуры», т. е. интеллигентом, добившимся звездного успеха, механизм известности как бы сублимирует, лакирует, подтягивает до уровня образца все житейские подробности биографии. Если же такого успеха не случилось, следование названому биографическому образцу вполне может привести к душевному дискомфорту или даже к личностной деградации.

В таком рассмотрении определяющим, на наш взгляд, является исторически сложившееся различие — между так называемой «элитарной» культурой, понимаемой в данном случае как установка на создание произведений культуры (что мыслится как биографическая цель) — и культурой обыденной жизни (и творцов, и потребителей их творений). В первом случае модель биографии, реконструируемую по самим текстам культуры, так и по ценностям серии «жизнь замечательных людей», можно интерпретировать как приглашение каждого к равноправному участию в культуре, при котором любой миг существования равноценен и культурно отмечен (признан). Такой образец жизни оказывается кодификацией освоения жизненного пространства. Однако исторически этот образец не был реализован, поскольку в иерархии культурных ценностей центр тяжести перешел с содержания текстов на культ их создателей, следствием чего явилась социокультурная асимметрия творцов и потребителей (иногда воспринимаемая даже как социальная дистанция). К следствиям можно также отнести и тягу новых поколений претендентов к благам закулисной жизни творцов, и показную, часто — снобную культурность некоторых подгрупп интеллигенции, и новые биографические модели поп-звезд — для подражания, и девальвацию конкретного содержания обыденности в восприятии людей и т. д. и т. п. Общим смыслом этих ориентаций можно считать своеобразную культурную «неотмеченность» обыденной человеческой жизни.

Следующая особенность анализируемых карьерных моделей биографии — это различие событий и длительностей во временном потоке будней. Согласно этим моделям культурная отмеченность и качественность присуща не всей продленности человеческого существования, а лишь особым «звездным» его часам; остальное время не событийно, т. е. не маркировано культурным значением. Однообразные, монотонные усилия по выживанию как бы исключаются тем самым из интеллигентской биографии. Иначе говоря, в пантеон культуры, согласно этой модели, допускаются лишь редкие избранные персонажи и/или редкие событийные моменты жизни. Так или иначе, в этой игре подразумевается существенный оценочный момент: для того, чтобы оказаться в рядах отмеченных культурных событий — истории культуры и данного интеллигента-творца — участок жизни определенной длительности должен пройти процедуру социокультурной оценки, после чего он становится событием, или, иными словами, моментом как истории культуры, так и биографии данного интеллигента.

Таким образом, культурно маркированными в официальных моделях биографии оказываются — начало (поступление в престижный ВУЗ, попадание на творческий конкурс, переживание его результатов), события, которые должны быть отмеченны-

ми, т. е. соответствовать провозглашаемому канону формы и содержания, а также — стилю поступка, сопровождающего участие в названных процедурах. В любом случае для новых адептов пишется история — именно как история отмеченных биографий.

Совсем другое дело — моделирование биографий по рецепту «скромности». Такое участие в культуре по сути дела не отрефлексировано, протекает в традиционных ритуалах коллективности. Участник не находит в себе мотивации для выделения себя из группы таких же, т. е. не пытается соответствовать императиву оригинальности, обязательному для интеллигента противоположной биографической ориентации. Следование стандартам обычной официальной карьеры характеризует всех единомышленников этой категории, объединяющихся в коллектив — аудиторию, которая поддерживает серьезность и формальную престижность мест и наград в этом виде проживания биографии. Можно сказать, что участникам этой ориентации свойственно именно коллективное биографическое осмысление — своеобразный парадокс неполной индивидуализации личности. Редко кто из интеллигентов названной ориентации вообще мыслит в категориях биографии.

С другой стороны, ряд теоретических проблем высвечивается на конкретном примере осмысленного выбора биографии, осуществленного известным литератором Т. В. в середине 70-х годов XX столетия. К этому времени он имел уже вполне официальный статус — был преподавателем университета, поэтом, переводчиком труднейших произведений художественной литературы, ученым-филологом и семиотиком, обладавшим определенной известностью в интеллигентских кругах тогдашнего Союза. Перспективы официальной карьеры были для него вполне доступными, однако ее качественный уровень его никак не устраивал. Официальная перспектива виделась им как нечто низкопрестижное, провинциальное, унылое, да к тому же зараженное советской идеологической догматикой. Тогда он со всей ясностью сформулировал свой биографический выбор: в очерченных выше рамках его биография явно заходила в тупик; ей требовалось резкое ускорение и качественный скачок. В тогдашней общественной ситуации он выбрал риск — именно как способ сознательной организации биографии: пошел на конфликт с властью, предъявил свои качественные претензии к официальной культуре, сформулировал свой взгляд на творческое поведение. Он рисковал многим — благополучием, карьерой, наконец, свободой. И выиграл. Выхав на Запад, он обрел новое измерение своей судьбы — во всех отношениях. Его человеческие качества получили международное, недевальвированное признание.

В те годы ситуация конфликта интеллигента с режимом не была редкостью, и как правило вмешательство властей меняло биографический сюжет и придавало ему ускорение. Часто цитируется высказывание А. Ахматовой по поводу Бродского тех времен, когда в Ленинграде его преследовал КГБ, о том, что «они» создают ему биографию.

Это пример того, как официоз организует биографию интеллигента методом «от противного», понуждая его к последовательности и неконформности выбора.

Наступают поздние этапы биографии интеллигента, когда уже сам его возраст, казалось бы, открывает перед ним панорамный обзор случившейся жизни. Биография закончилась, остается уяснить или придать ей смысл — в терминах моделирования

судеб, которыми располагает культура. От удовлетворенности достигнутым до острого переживания неудачи, ошибок выбора поступков и поворотов — таков широкий диапазон биографической осмысленности на этом этапе жизни. Однако и для такого постфактумного поведения нужна немалая рефлексия и энергия, постепенное угасание которой зачастую ведет к нерелевантности культурных стимулов вообще для бывшего рефлексанта: пространство культурной активности, оказывается, лишь до тех пор составляло такому интеллигенту материал для осмысления судьбы, пока он получал извне престижные и карьерные подкрепления. Оказавшись вдруг вне игры, он начинает воспринимать мир культуры как бессвязный, равнодушный, инерционный и пустой. Зачастую ему уже и невдомек, как это он раньше мог улавливать и остро переживать связность культуры, включавшей и осмыслявшей и его биографию.

Во всех перечисленных ареалах формирования и осмысления биографий достаточно распространенным является «симулятивный» тип поведения. Речь идет о сложном механизме «притворства», или — показной демонстрации культурно поощряемых качеств и поступков. В рамках нашей проблематики аудитория культурной активности оказывается своеобразным театром, анонимной части которого назначено воспринимать фигуры социального успеха, скроенные по всем правилам канона. Доктор, профессор, писатель, артист, официальный живописец — все они предстают перед зрителем как имитаторы внешних атрибутов культурного качества; до тех пор, пока публичное событие проходит в рамках официальности, распознать имитацию в состоянии лишь посвященные — или просто предубежденные реципиенты. Истинное, скрываемое содержание фигуры — со всеми отклонениями от содержательного канона — открывается лишь в чрезвычайных, стрессовых ситуациях, хотя, казалось бы, симуляция качества вполне заметна прежде всего в произведениях этих персонажей. Тут однако вступает в силу негласный запрет на разоблачительные процедуры, действующий на территории официальной культуры. Обычно саморазоблачение мнимого героя культуры наступает тогда, когда он волею обстоятельств или конкурентной борьбы оказывается вытеснен из зоны официальной активности в частную жизнь; здесь он постепенно обнаруживает, что ему незачем «демонстрировать» высокие качества, тем более, что имитация нередко сопряжена была с немалым напряжением. Легко отнести описываемые явления к атавизмам нашего недавнего тоталитарного прошлого, оставившего действительно немалое число советских интеллигентов с такими чертами, как профессиональная некомпетентность, неэрудированность, агрессивность и банальность образа мыслей, эрозия моральных качеств и т. п. К этому законно примыкал навык скрывать мнимости за официальными регалиями и позами. Дело однако в том, что показная принадлежность к культуре имеет, на наш взгляд, куда более древние исторические корни, имитацию оберегают от разоблачающих откровений куда более фундаментальные правила поведения в «этикетной среде».

Правила культурной имитации качества действовали и в неофициальной среде, в частности, в разнообразных формах фрондерского противостояния официозу; здесь складывались соответствующие симулятивные карьеры и судьбы.

Для тоталитарного периода общественной жизни существенна была явная демаркация публичной и приватной сфер жизни интеллигента. Публичное отождест-

влялось с официальным, престиж же официального мира в глазах людей был крайне низок. Это значит, что стихийное социально-психологическое регулирование поведения было вполне определенным: естественным было ангажироваться в частную сферу, где не было необходимости в демонстрации культурных качеств и где отношения были более аутентичными.

Вместе с тем для культурного самосохранения интеллигенту, «вернувшемуся» из публичной жизни с определенным багажом культуры и определенным разочарованием в официальной, нужна была прежде всего групповая поддержка; референтная группа оказывала психологическое подкрепление прежде всего за счет поддержки стиля жизни, а иногда — стилизации, придававшей определенную качественную маркировку деталям потока обыденной жизни.

Важным элементом общей структуры биографического моделирования является то, что для интеллигентов «второго круга», не претендующих на авторство в культуре, модель «жизнь замечательных людей» оказывается манящим образцом, причем не столько для подражания (это по определению невозможно), сколько для поверхностной имитации, ориентированной на внешние эффектные стилистические характеристики (например, такие как богемность — для одних, разгул закулисной жизни — для других, роскошь — для третьих и т. п.)

На новых и новейших территориях европейской культуры, окрашенных постмодернистской и постпостмодернистской стилистикой, участники игры пока еще как бы и не догадываются, что помимо общих ритуалов участвуют и в становлении их частных биографий; пока им обеспечено бессмертие или по крайней мере — вечная молодость. На входе в культуру эти новые авторские поколения подвергают сомнению и пародированию ценности и компетенцию вступающих. Тем самым они активничают именно на этой грани между каноническим и новым — непохожим ни на что прежнее. Если бы можно было поверить в фундаментальность нового стиля, его адептам вообще не суждена была бы какая-либо биография (как нечто трафаретное, банальное). Однако именно благодаря сопротивлению «старых» эти новые оказываются в свете рампы, т. е. заметны для самих себя. И как только «прежние» сдадутся и признают приемлемость для культуры новых, эти последние вступают в канон (хоть и обновленный) и тем самым — исчезают в традиции. И тут же их достоянием оказываются общие трафареты интеллигентских биографий, которые были обсуждены выше.